

УДК 11
DOI 10.20339/AM.03-26.101

С.В. Соловьев,
магистрант философского факультета
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
e-mail: stanislav_solovev_01@mail.ru
https://orcid.org/0009-0007-0630-1436

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СИМВОЛ ПЧЕЛЫ В АНТИЧНОЙ НАТУРФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ

В статье исследуется символ пчелы в античной мысли как социальная метафора, через которую Гесиод, Платон, Аристотель, Вергилий, Лукреций и стоики осмыслили структуру общества. Пчела выступает моделью сообщества, где индивидуальное подчинено общему порядку, труд распределен, а благо целого первично. В мифопоэтической традиции она символизирует трудовую солидарность, у Платона — иерархию и распределение ролей, у Аристотеля — естественный характер социальности, у стоиков — образ разумного гражданина космоса. Тем самым, пчела функционирует как универсальный символ общественного устройства, в котором гармонично сочетаются порядок, взаимная зависимость и служение общему благу.

Ключевые слова: пчела, символ, метафора, междисциплинарный анализ, социальная философия.

THE ONTOLOGICAL SYMBOL OF THE BEE IN ANCIENT NATURAL PHILOSOPHY AND SOCIAL THOUGHT

Stanislav V. Solovev, Master's student in the Philosophical Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: stanislav_solovev_01@mail.ru, https://orcid.org/0009-0007-0630-1436

The article examines the symbol of the bee in ancient thought as a social metaphor through which Hesiod, Plato, Aristotle, Virgil, Lucretius and the Stoics conceptualized the structure of society. The bee acts as a model of a community where the individual is subordinated to the general order, labor is distributed, and the good of the whole is primary. In the mythopoetic tradition, it symbolizes labor solidarity, Plato's hierarchy and distribution of roles, Aristotle's natural character of sociality, and the Stoics' image of a reasonable citizen of the cosmos. Thus, the bee functions as a universal symbol of a social structure in which order, mutual dependence and service to the common good are harmoniously combined.

Keywords: bee, symbol, metaphor, interdisciplinary analysis, social philosophy

Введение

В античной философской традиции природные образы выполняли функцию концептуальных моделей, посредством которых осмыслились основания бытия, порядка и социальной организации. В этом контексте особое место занимает образ пчелы и пчелиного улья как один из наиболее устойчивых и многозначных символов античной мысли, позволяющий установить связь между устройством природы, космоса и человеческого общества.

В античной культуре пчела включается в широкий спектр философских интерпретаций, охватывающих мифопоэтическое, этическое, натурфилософское и социально-политическое измерения. Через данный образ артикулируются представления о труде, порядке, иерархии и подчиненности индивидуального начала общему благу. Пчелиное сообщество мыслится как модель гармоничного устройства, в котором природная целесообразность соединяется с нормативным измерением социального бытия.

Актуальность исследования обусловлена современным философским интересом к онтологическим основаниям

социальности и символическим моделям коллективного существования. Несмотря на фрагментарную представленность образа пчелы в исследованиях античной философии, в традиции он функционирует как сквозной символ, объединяющий натурфилософские, социальные и онтологические представления.

Целью исследования является философский анализ образа пчелы как онтологического символа античной натурфилософии и социальной мысли. Научная новизна заключается в рассмотрении данного образа не как частной метафоры, но как универсального символа, посредством которого античная мысль выражала природную целесообразность, социальный порядок и космическую гармонию.

Основная часть

Пчела выдвигается в качестве объекта анализа постольку, поскольку в античной традиции она функционирует как парадигмальный образ природной целесообразности и социального упорядочения. Обращение к данному символу позволяет проследить, каким образом античные

мыслители устанавливали связь между биологической организацией, космической гармонией и формами человеческой общности.

В поэме Гесиода «Труды и дни» образ пчелы формируется как один из ключевых элементов античной концептуализации добродетельного труда, природного порядка и космической справедливости. У поэта пчела выступает эмблемой гармоничного бытия, основанного на соблюдении меры, истины и соразмерности законам природы, установленным Зевсом.

Центральный эпизод, в котором пчела получает развернутое осмысление, содержится в дидактическом обращении к брату Персу. Гесиод противопоставляет трудолюбивую пчелу праздному трутню, посредством этого контраста артикулируя моральную и космологическую установку поэмы: «Боги и люди по праву на тех негодуют, кто праздно / Жизнь проживает, подобно безжалюбному трутню, который, / Сам не трудясь, работой питается пчел хлопотливых» [5. С. 7–8].

В данном фрагменте пчела репрезентирует идеал естественного порядка и социальной взаимосвязанности. В ее поведенческих моделях воплощается то, что Гесиод концептуализирует как закон Зевса, согласно которому каждый индивид обязан трудиться в соответствии с природной мерой ради поддержания космического равновесия. Пчелиный труд, ориентированный не на индивидуальное удовольствие, а на коллективное благо улья, означает парадигму корректного и богоподобного способа существования. Трутень же, напротив, воплощает моральное и социальное отклонение, а именно паразитизм, нарушение божественной справедливости и утрату космической соразмерности.

Указанный мотив включается в более широкий контекст поэмы, где труд осмысляется как неустрашимый компонент человеческой участи после мифа о Прометее и Пандоре: «Зевс, разгневавшись на Прометея, спрятал источники пищи; / Людям же велел добывать ее тяжким трудом» [Там же. С. 4].

Если Зевс, наказывая людей, «спрятал источники пищи», то пчела предстает как естественное воплощение способности преобразовывать труд в изобилие, трансформируя наказание в добродетель. Тем самым она функционирует не только как образ дисциплины, но и как символ трансмутации страдания в креативную и продуктивную силу.

В другом фрагменте Гесиод описывает справедливое царство, в котором праведность вознаграждается щедростью природы: «Пищу обильную почва приносит им; горные дубы / Желуди с веток дают и пчелиные соты из дупел» [Там же. С. 6].

Пчелиные соты в данном контексте выступают знаком божественного благословения и природного изобилия, даруемого справедливым людям. Мед здесь манифестируется не только как показатель материального плодородия, но и как метафора духовного порядка, поскольку мир, в котором утверждена справедливость, характеризуется гармонией и упорядоченностью, аналогичной структуре сот, созданных пчелами.

Таким образом, в «Трудах и днях» Гесиода образ пчелы интегрирует нравственное, космологическое и социальное измерения. Он символизирует идею правильного труда, гармонию отношений между человеком и природой, а также подчиненность человеческого существования божественному закону. В оппозиции пчелы и трутня формулируется одна из ранних в истории европейской мысли концепций этической ценности труда.

Следовательно, пчела у Гесиода фиксируется не просто как метафора усердия, но как экспрессия целостного мировоззрения, в рамках которого труд выступает условием космического порядка, а справедливость осмысляется как форма имманентной гармонии универсума. Данный образ, впервые приобретший морально-философскую значимость в гесиодовской поэтике, оказал детерминирующее влияние на последующую античную традицию, сохранившись в качестве одного из фундаментальных символов античной концептуализации человека, природы и труда.

После Гесиода, у которого пчела функционировала как символ трудолюбия и природной гармонии, в философии Платона данный образ приобретает качественно новое, философско-эстетическое значение. В диалоге «Ион» пчела становится метафорой поэтического вдохновения, которое соотносится с концепцией божественного безумия, т.е. состояния, в котором человек является посредником между божественным и антропологическим универсумами.

Сократ обращается к Иону, рапсоду и интерпретатору Гомера, чтобы выразить мысль, что настоящий поэт и толкователь не владеет ремеслом, а действует под воздействием высшей силы. Сопоставление с пчелами позволяет выразить идею внеличного, медиативного происхождения поэтического слова: «Говорят же нам поэты, что они летают, как пчелы, и приносят нам свои песни, собранные у медоносных источников в садах и рощах муз. И они говорят правду: поэт — это существо легкое, крылатое и священное; и он может творить лишь тогда, когда сделается вдохновенным и испуганным...»¹.

Этот фрагмент фиксирует ключевой элемент для понимания платоновской концепции поэзии как формы теургии-

¹ Платон. Ион // Ион, Протагор и другие диалоги. М.: Мысль, 1990. С. 70. Plato. Ion. In: Ion, Protagoras, and Other Dialogues. Moscow: Mysl, 1990. P. 70.

ческого вдохновения. Пчела здесь не сводится к символу природного усердия, как у Гесиода, а становится знаком сопричастности к божественному источнику. Пчелы «летают над садами муз» — пространство муз превращается в образ сверхчувственной реальности, из которой поэт черпает свои образы.

Платон описывает сложную иерархическую структуру вдохновения: от божества к музе, от музы — к поэту, от поэта — к рапсоду, и далее — к слушателю. Таким образом, поэт становится медиатором божественного слова, а не его автором. Эта концепция явно выражена в словах Сократа: «Ведь не от искусства поэт творит, а по божественному наитию и вдохновению. Подобно тому, как камень Геракла притягивает железные кольца, так и поэт, одержимый богом, притягивает души других, заражая их вдохновением»².

Через данный образ Платон высказывает протоформу своей теории вдохновенного знания, которая в более поздних диалогах (например, в «Федре» и «Пире») развивается в концепцию философского эроса — стремления к истине.

Таким образом, в диалоге «Ион» пчела предстает как метафора поэта, медиатора между божественным и антропологическим универсумами, а сам процесс поэтического творчества — как образ теургического движения души. Эта концептуализация представляет собой первую в античной философской традиции попытку описать творческий акт не как ремесло, а как форму участия в божественной энергии, где слово становится подобным меду — сладкому, живому, сотканному из света.

Если в диалоге «Ион» образ пчелы использовался как метафора поэтического вдохновения, ниспосланного божеством, то в «Федре» он переносится в сферу познания, становясь символом философа, устремленного к истине. В данном контексте Платон трансформирует метафору из эстетической в эпистемологическую и духовно-онтологическую плоскость: пчела представляет душу, которая собирает «мед мудрости» из множества прекрасных феноменов, осуществляя восхождение от чувственного к умопостигаемому.

В центральных разделах диалога Сократ рассуждает о природе души и ее стремлении к истине. Душа уподобляется крылатому существу, которое, утратив крылья, нисходит в телесный мир, но, устремляясь к прекрасному, вновь актуализирует в себе память об истине. «Красота сияет ярче всего прочего и потому особенно пленяет душу; через нее она вспоминает истину. И когда, созерцая прекрасное, душа вспоминает о подлинном прекрасном, ей вырастают крылья, и она хочет подняться вверх...» [8. С. 461].

Хотя Платон не называет философа пчелой прямо, сама структура описания движения души (перелет от одного

прекрасного к другому, собирание из каждого «нектара истины») содержит имплицитную метафору пчелиного труда. Душа, подобно пчеле, не создает истину, но извлекает ее из рассеянных фрагментов бытия, преобразуя многообразие явлений в гармонизированный «мед знания».

Сократ характеризует философа как существо, которое «питается знанием» и «возвращается к богам, если правильно воспаряет» [Там же. С. 463]. Этот мотив «собираения» и «восхождения» создает параллель с образом пчелы из «Иона», однако здесь уже не мусическое вдохновение направляет человека, а любовь к истине.

Таким образом, в «Федре» пчела воплощает философскую деятельность как анагогическое движение души — траекторию от партикулярных форм прекрасного к созерцанию их идеи. Пчела-философ не ограничивается вдохновенностью поэта, но устремлена к высшему познанию; ее «мед» — это знание, переработанное из чувственного опыта в духовное понимание.

Компаративный анализ «Федра» и «Иона» позволяет утверждать, что Платон последовательно преобразует поэтический образ в метафизическую модель познания. Если в «Ионе» пчела получает вдохновение извне, от муз, то в «Федре» философская душа сама выступает активным агентом, перерабатывающим опыт подобно тому, как пчела перерабатывает нектар. Тем самым осуществляется переход от пассивного вдохновения к активному познанию, от поэта, ведомого божеством, к философу, устремляющемуся к истине посредством собственных крыльев разума.

Финальная семантическая импликация данной метафоры заключается в том, что познание у Платона не сводится к чисто рациональной процедуре, но обладает эротикомистической природой. Любовь к истине уподобляется естественному влечению души к прекрасному, а собирание «меда мудрости» осмысляется как акт духовного питания, возвращающий душе память о ее божественном происхождении. «Ибо это — память о вещах божественных, когда мы видим прекрасное на земле, воспламеняемся и хотим воспарить вверх, но не можем, — и, устремляясь, как птицы, вздыхаем, глядя на небо» [Там же. С. 463].

Таким образом, в «Федре» пчела определяется как символ философской души, которая в практике любви и анамнезиса собирает истину из опыта прекрасного, трансформируя чувственное в умопостигаемое. В данном синтезе эстетического и познавательного измерений локализуется основание платоновской философии, в рамках которой истина, красота и благо интегрируются в едином анагогическом движении души.

² Платон. Ион // Ион, Протагор и другие диалоги. С. 71–72. Plato. Ion. In: Ion, Protagoras, and Other Dialogues. С. 71–72.

У Платона образы пчелы-поэта и пчелы-философа выражают двойственную структуру познания. В «Ионе» пчела символизирует поэта, вдохновленного божественной силой, чье творчество возникает не из ремесленного навыка, но из воздействия муз. В «Федре» этот образ переосмысливается, и пчела становится метафорой философа, собирающего «мед мудрости» из множества прекрасных явлений. Здесь познание предстает как восхождение души от чувственно-го к идеальному, от единичного к всеобщему. В результате пчела у Платона соединяет два начала – вдохновение и разум, божественный дар и труд внутреннего постижения, воплощая гармонию между откровением и познавательным усилием.

В противоположность платоновской традиции, где образ пчелы функционирует как метафора вдохновения и познавательной активности, в философии Аристотеля данный образ осмысливается преимущественно в эмпирико-натуралистическом и социально-философском измерениях.

В трактате «История животных» Аристотель описывает пчел как парадигматический пример естественной телеологии и социальной организации. Он относит их к существам, «живущим общинами», подчеркивая, что внутри улья наличествует устойчивый и упорядоченный внутренний строй: «Одни из них собирают пищу, другие строят соты, третьи заботятся о расплоде» [1. С. 386].

Аристотель акцентирует, что пчелы принадлежат к числу существ, «живущих вместе» и ориентированных на общие телеологические цели, наряду с людьми, журавлями и муравьями [Там же. С. 42–43]. Данный порядок не является результатом произвольного соглашения, как это имеет место в человеческом социуме, но эмерджентно вытекает из самой природы. В пчелином сообществе распределение функций осуществляется в соответствии с природной необходимостью, поскольку, как подчеркивает философ, «природа ничего не делает напрасно» [Там же. С. 380].

В описании поведенческих паттернов пчел Аристотель сосредотачивается на принципах разделения труда и согласованности действий, при которых каждый элемент функционирует ради целого. «Малые пчелы лучшие работницы, чем большие; последние же вылощены и блестят, как праздные женщины» [Там же. С. 387].

Таким образом, улей определяется как модель естественного полиса, в котором каждая функция распределена по природе, а не по конвенции или договору. Данный порядок не имплантирован извне, но представляет собой манифестацию имманентного закона природы, в рамках которого индивидуальные действия подчинены общему целевому предназначению.

Для Аристотеля пример пчел обладает не только биологической, но и метафизической значимостью. В организации улья он усматривает проявление универсального принципа корреляции материи, формы и цели. Пчелиное сообщество предстает как своеобразный микрокосм, где реализуется природная форма организации, при которой каждая часть исполняет собственное назначение, а их совокупность конституирует гармоничное целое [Там же. С. 388].

Следовательно, для Аристотеля улей функционирует как модель естественного полиса, где каждый элемент действует не по волевому решению, но в соответствии с природой и сообразно имманентной цели. В данной перспективе пчелы воплощают то, что философ усматривает в живых организмах в целом, а именно природную целесообразность, при которой деятельность не навязывается извне, но вытекает из самой эссенции бытия.

В интерпретации пчел обнаруживается фундаментальный принцип аристотелевской натурфилософии, согласно которому природа ничего не делает напрасно и в каждом виде эксплицируется собственная форма имманентной упорядоченности. Поведение пчел репрезентирует парадигматический пример того, каким образом естественное движение природы порождает социальный порядок без апелляции к экстернальному закону.

Улей по своей сущности конституирует «естественный полис», аналог человеческого общества, в котором функции распределены по природе, а не посредством договора. В данной аналогии пчелы трансформируются не просто в объект биологического наблюдения, но в символ естественной гармонии и меры, интегрирующий физическое, биологическое и этическое измерения.

В трактате «Политика» Аристотель реартикулирует концепцию, ранее сформулированную в «Истории животных». Человек и пчелы принадлежат к числу существ, существующих в коммунитарных формах, однако модус их единства принципиально различен. Для пчел это единство конституируется как естественная дистрибуция функций внутри улья, для человека же – как построение полиса, основанного на разуме и речи. «...государство принадлежит к тому, что существует по природе, и человек по природе своей есть существо политическое...» [3. С. 27].

Далее Аристотель сопоставляет человека с пчелами, подчеркивая, что их социальная природа различается по степени интенсивности. «Человек есть существо общественное в большей степени, нежели пчелы и всякого рода стадные животные... природа ничего не делает напрасно; между тем один только человек из всех живых существ одарен речью» [Там же. С. 28–29].

Данное сопоставление не сводится к простому уподоблению. Как пчелы функционируют ради общего порядка, так и граждане полиса должны действовать ради целого, однако человеческое сообщество основывается на способности различать справедливое и несправедливое, благо и зло. «... только человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость... а совокупность всего этого и создает основу семьи и государства» [Там же. С. 29].

Философ утверждает: «Понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее мерилom справедливости, является регулирующей нормой политического общения» [Там же. С. 30].

В обоих трактатах, «Истории животных» и «Политике», Аристотель использует образ пчел для экспликации принципов природной организации коллективной жизни. Однако если в «Истории животных» [1. С. 386–388] пчелы функционируют как парадигматический пример естественной телеологии, то есть порядка, детерминированного самой природой, то в «Политике» [3. С. 27–30] данный пример переходит в плоскость аналогии политического устройства человека, где природное стремление к коммунитарности достигает своей разумной и этической формы.

Человек, подобно пчеле, существует в коммунитарных структурах, однако, в отличие от нее, осознает телеологическую цель целого и обладает способностью различать благо и зло, справедливое и несправедливое, тем самым конституируя нормативный, а не исключительно биологический порядок. Полис, следовательно, выражает естественную форму телеологического завершения человеческой природы, а не результат конвенционального соглашения.

В трактате «Метафизика» (кн. V) Аристотель окончательно фиксирует фундаментальный принцип своей натурфилософской системы, учение о целесообразности и форме, в рамках которого природа осмысливается как разумно структурированное и самоцельное целое. Каждая вещь, согласно философу, обладает имманентной целью, определяющей ее деятельность и онтологический статус. Как утверждает Аристотель, «всякая природа есть цель и стремится к ней, ибо природа ничего не делает напрасно» [2. С. 158].

Концепт энтелехии обозначает состояние завершенной актуальности, при котором форма эксплицирует свою сущность в деятельности. «Форма есть действительность и сущность каждого, то, чем оно стало по природе» [Там же. С. 142]. В данном учении о форме и цели Аристотель выявляет универсальный закон живого, который может быть экстраполирован как на отдельные организмы, так и на природные сообщества. Подобно тому как организм состоит из частей, реализующих свои функции ради целого,

так и природные виды существуют в гармонической корреляции, направленной к самосохранению и совершенству.

В этом контексте пчелиный улей приобретает для Аристотеля значение эмпирической верификации телеологического порядка природы. В трактатах «История животных» и «Политика» он уже рассматривал пчел как парадигматический пример естественной организации, где «одни собирают пищу, другие строят соты, третьи заботятся о расплоде» [1. С. 386], и данное описательное наблюдение получает метафизическое обоснование в «Метафизике». Улей выражает замкнутую и одновременно телеологически организованную систему, в которой каждая часть исполняет собственное природное дело ради общего конца.

Таким образом, пчелиное сообщество функционирует как конкретная манифестация всеобщего закона энтелехии, а именно стремления каждой формы к самоактуализации в соотнесенности с целым. В природе, согласно Аристотелю, ничто не существует случайно. «Цель есть то, ради чего, а потому природа есть цель природы: ведь как в растении и животном, так и во вселенной все существует ради чего-то» [2. С. 168].

В философской системе Аристотеля пчела утрачивает статус символа вдохновения, характерный для платоновской традиции, и трансформируется в эмпирическое свидетельство разумности самой природы. Ее труд, организация и взаимная обусловленность иллюстрируют фундаментальные категории аристотелевской мысли, такие как телеология природы, иерархическая организация живого и аналогия между биологическим и политическим порядком.

Следовательно, пчела воплощает не метафору духовного начала, но актуальный принцип природной разумности, переход от партикулярного к универсальному, от биологического к этико-политическому целому. Улей конституируется как наглядная экспрессия телеологического миропорядка, в рамках которого природа, согласно Аристотелю, интегрирует цель, форму и деятельность, формируя универсальную гармонию бытия [2. С. 158–174].

В поэме «О природе вещей» Лукреций развивает атомистическую философскую доктрину Демокрита и Эпикура, утверждая, что все природные феномены детерминированы необходимостью и не опосредованы божественным вмешательством. Универсум, согласно поэтической концептуализации Лукреция, существует собственной силой и регулируется имманентными законами материи, а не волей богов [6. С. 17].

Образ пчел появляется у Лукреция в пятой книге как один из наиболее наглядных примеров естественной упорядоченности природы. Поэт описывает, каким образом

пчелы существуют и трудятся коллективно, будучи детерминированными не разумом, но природным инстинктом, который порождает согласованное сообщество. «Так пчелы, ведомые природой, трудятся сообща, возводят жилища, питают потомство и хранят общий порядок, не зная ни властей, ни божественных повелений» [Там же. С. 245].

Для Лукреция пчелиный улей не выступает метафорой политического устройства, как в аристотелевской традиции, но функционирует как эмпирическое подтверждение гармонии природы. В коллективном труде пчел раскрывается универсальный закон естественной необходимости, действующий без участия богов и в соответствии с которым всё в природе совершается своим порядком [Там же. С. 17, 22].

В этой перспективе Лукреций усматривает в поведении пчел манифестацию материальной закономерности универсума. «Ни по указу небес, ни по воле богов пчелы не знают труда своего, но по природе следуют каждой движущей силе» [Там же. С. 246].

Тем самым образ пчел функционирует как иллюстрация фундаментального тезиса поэмы, согласно которому природа обладает собственной рациональностью в рамках необходимости и не нуждается в сверхъестественном управлении. Коллективный труд пчел репрезентирует парадигматический пример того, как из множественности элементарных начал, атомов и корпускул эмерджентно возникает упорядоченное целое.

«Как атомы, соединяясь, рожают гармонию вещей, так пчелы, соединяя усилия, творят свой порядок по законам природы, а не по божественному велению» [Там же. С. 245].

Если для Аристотеля пчела выступает примером природной корреляции частей и целого, т.е. политического существа, укорененного в естественном порядке, то у Лукреция она трансформируется в символ самодостаточной закономерности природы. Посредством образа улья Лукреций утверждает, что гармония универсума конституируется не как следствие разумного целеполагания, но как результат действия вечных атомарных законов.

Во второй половине четвертой книги «Георгик» Вергилий посвящает пчелам развернутый поэтический фрагмент [4. С. 201–209], в котором их жизнь описывается как воплощение трудолюбия, общественного согласия и природного порядка. Поэт концептуализирует пчел не просто как природный феномен, но как аллегорию идеального государственного устройства, где каждая особь функционирует ради коллективного блага. «Их труд пример для людей: у всех одно сердце, один дух, все к общему делу стремятся; в улье их жизнь как в государстве» [4. С. 201].

Вергилий акцентирует согласованность их труда и самоотверженность перед общим законом. «Там правит вождь,

что порядок; им дорого имя отечества: все трудятся, все покорны, все защищают жилище» [Там же].

Особое внимание уделяется социальной иерархии, в рамках которой правящий пчелиный царь символизирует монарха, а трудящиеся пчелы репрезентируют граждан. «Их правит один, кого чтят, и толпа окружает смиренно; если же погибнет вождь, их сердца обуревают отчаяние, всё рухнет, строй нарушается, жало гневно сверкает» [Там же. С. 206].

Тем самым Вергилий наделяет пчелиное сообщество чертами идеального полиса, в котором труд, закон и приверженность порядку интегрируются в гармоничное целое.

Поэт подчеркивает также божественное измерение данного устройства. Пчелы, согласно его концептуализации, происходят от души мировой сущности, в которой заключена частица небесного духа. «Из крови богов их начало: есть в них дыханье небес и частица огня эфирного» [Там же. С. 207].

Следовательно, их организация и труд характеризуются не только природной детерминацией, но и сакральным статусом, отражающим замысел божественного разума.

В заключительных строках четвертой книги Вергилий связывает образ пчел с темой возрождения. Миф об Аристее, получившем пчел из тела жертвенного быка, символизирует вечное обновление природы и торжество труда над смертью [4. С. 208–209].

В интерпретации Вергилия пчелы воплощают римскую концепцию труда и благочестия, определяющих космический и социальный порядок. Их универсум формирует микрокосм, в котором природный закон соотносится с нравственным императивом. Улей преобразуется в символ государства, управляемого разумом и законом, где манифестируется гармония между индивидуальным и коллективным началами. «Пусть человек учится у пчел: как трудиться для всех, как в законе находить свободу» [Там же. С. 209].

В одном из ключевых эпистолярных текстов (Письмо 4) Сенека формулирует метафору пчелы как репрезентацию мудреца, который интегрирует аккумулированные знания в целостное и продуктивное учение. Он предписывает Луцилию не ограничиваться пассивным накоплением цитат или мнений, но творчески перерабатывать усвоенное, подобно тому как пчела преобразует нектар в мед. «Следует поступать, как пчела, которая, перелетая с цветка на цветок, собирает то, что пригодно для меда, и складывает всё в одном соте; мы должны, говорит Сенека, собирать из чужих трудов то, что может укрепить наш дух, и перерабатывать это в собственную силу» [9. С. 203].

В данном контексте пчела конституируется как метафора эпистемологической процедуры, а именно синтетической

интеграции знания и добродетели. Подобно тому как пчелы не переносят в улей готовый нектар, но трансформируют его в качественно иную субстанцию, мудрец в концептуализации Сенеки должен не воспроизводить идеи других, но преобразовывать их посредством собственного разума. «Пусть то, что ты заимствовал у других, не будет острым углом чужой мысли, но станет твоим, подобно тому как пчелы превращают собранное в общий мед» [Там же. С. 204].

Данный образ интегрирует стоическую этику с естественной философией. Человек, как элемент природы, призван действовать в согласии с ее законами. Пчела функционирует как существо, существующее ради целого, трудящееся без корыстных побуждений и пребывающее в гармонии с природным порядком. В этом Сенека усматривает парадигму мудреца, того, кто соединяет труд, умеренность и служение общему благу. «Будем подражать пчелам: они трудятся не ради себя, но для всех; так и мы, занимаясь философией, должны приносить пользу всему человечеству» [9. С. 205].

В другом эпистолярном тексте Сенека возвращается к тому же мотиву, уточняя, что подлинная мудрость заключается не в накоплении чужих концепций, но в способности сделать их собственными [Там же. С. 215], интегрировать множественное в единое, как пчелы соединяют разнообразие цветов в один мед. «Не чужие слова ты должен повторять, но сделать их своими, как пчелы, что превращают всё в один вкус» [Там же].

В образе пчелы Сенека синтезирует две фундаментальные идеи стоицизма, жизнь в согласии с природой и трансформацию знания в добродетель. Пчела в его концептуализации не сводится к символу трудолюбия, как у Гесиода, и не выступает эмблемой политического порядка, как у Аристотеля, но утверждается как модель имманентной деятельности духа. Ее труд репрезентирует аналог философского упражнения, направленного на преобразование внешнего знания во внутреннюю мудрость.

Таким образом, в «Нравственных письмах к Луцилию» пчела предстает образом самодостаточного и гармоничного духа, существующего в соотнесенности с природой и приносящего пользу целому, тем самым воплощая идеал стоической мудрости.

В трактате «Беседы» Эпиктет обращается к образу пчелы для прояснения концепции человека как существа социального по своей природе, призванного существовать и действовать ради целого. В русле стоического космополитизма он утверждает, что человек является компонентом вселенского организма, управляемого разумом, и потому, подобно пчеле, должен трудиться не ради част-

ного интереса, но ради пользы всех. «Если бы пчела, покидая улей, захотела жить только для себя, она погибла бы: так и человек, отделившийся от других, перестает быть человеком» [10. С. 113].

Данная метафора выражает стоическую концепцию ойкейосиса, т.е. естественного влечения к сообществу, посредством которого индивид осознает себя частью космического целого. Эпиктет подчеркивает, что человек по своей природе предназначен для служения общему порядку. «Ты гражданин мира, часть великого организма; как пчела для улья, так ты для общества: твоя природа требует, чтобы ты действовал ради целого» [Там же. С. 114].

В этом контексте пчела выступает символом естественной взаимосвязанности и воплощением принципа жизни в согласии с природой. Эпиктет противопоставляет образ подлинного мудреца, уподобляемого пчеле, которая трудится ради порядка и гармонии, человеку, детерминированному эгоистическими устремлениями. «Никто не живет для себя; солнце сияет не себе, но всему миру. Так и человек, если он разумен, трудится ради других, как пчела в улье» [Там же. С. 241].

Данная концепция укоренена в античной традиции, восходящей к Аристотелю и Сенеке, в рамках которой труд пчелы осмысливается как символ моральной обязанности, подчиненной высшему природному закону. В интерпретации Эпиктета этот образ приобретает космическое измерение, поскольку служение обществу тождественно служению разумному порядку Вселенной.

Для Эпиктета пчела выступает не просто нравственным примером, но моделью стоического человека, исполняющего свой долг как часть всеобщего организма природы. В этом реализуется фундаментальный принцип стоической этики, согласно которому жить в согласии с природой означает жить ради общего блага [Там же. С. 113–114].

В «Беседах» Эпиктет вновь возвращается к образу пчелы, усиливая его нормативное значение. Человек, подобно пчеле, утрачивает собственную сущность, если разрывает связь с целым. «Если бы пчела, покидая улей, захотела жить только для себя, она погибла бы: так и человек, отделившийся от других, перестает быть человеком» [7. С. 113].

Данная концепция артикулирует античную традицию, восходящую к Аристотелю и Сенеке, в рамках которой труд пчелы осмысливается как символ моральной обязанности, подчиненной высшему природному закону. В интерпретации Эпиктета этот образ приобретает космическое измерение, поскольку служение обществу репрезентирует служение разумному порядку Вселенной.

Для Эпиктета пчела функционирует не только как нравственная парадигма, но как модель стоического человека, исполняющего свое дело (долг) в качестве элемента все-

общего организма природы. В этом контексте реализуется фундаментальный принцип стоической философии, согласно которому жить в согласии с природой означает жить ради общего блага [7. С. 113–114].

Заключение

Исследование символа пчелы в античной традиции показывает, что данная фигура функционировала как универсальный онтологический символ, посредством которого

осмыслились представления о природной целесообразности, космическом порядке и социальной организации; в пчелином сообществе античная мысль усматривала модель гармоничного соотношения индивидуального и коллективного начал, служащую выражением единства природного и социального порядка, тогда как сформировавшийся в античности образ пчелы в последующие эпохи продолжал использоваться в мировой культуре и социальной мысли как символ упорядоченного труда, коллективной солидарности и служения общему благу.

Литература

1. *Аристотель*. История животных / пер. С.А. Жебелева. М.: Академический проект, 2006. 512 с.
2. *Аристотель*. Метафизика / пер. П.Д. Первова и В.В. Розанова. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 232 с.
3. *Аристотель*. Политика / пер. С.М. Роговина. М.: РИПОЛ классик, 2010. 592 с.
4. *Вергилий*. Буколики. Георгики. Энеида / пер. С. Ошерова; вступ. ст. и прим. С. Аверинцева. М.: Художественная литература, 1979. 511 с.
5. *Гесиод*. Труды и дни / пер. В. Вересаева. М.: Наука, 1990. 94 с.
6. *Лукреций Кар Тит*. О природе вещей / пер. И. Рачинского; предисл. В. Вандела и В. Тимоско; прим. А. Рановича и В. Серезжникова. М.: Государственное антирелигиозное издательство, 1933. 352 с.
7. *Марк Аврелий Антонин*. Размышления / пер. А.К. Гаврилова. М.: Наука, 1985. 240 с.
8. *Платон*. Ион. Федр // Собрание сочинений в 4 т. Т. 2 / пер. А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1990. 639 с.
9. *Сенека Л.А.* Нравственные письма к Луцилию; Трагедии / пер. С.А. Ошерова. М.: Наука, 1977. 620 с.
10. *Эпиктет*. Беседы / пер. и комм. А.И. Рубана. М.: Наука, 1997. 311 с.

References

1. *Aristotle*. History of Animals / trans. S.A. Zhebeleva. Moscow: Academic Project, 2006. 512 p.
2. *Aristotle*. Metaphysics / trans. P.D. Pervov and V.V. Rozanov. Moscow: Institute of Philosophy, Theology, and History of St. Thomas, 2006. 232 p.
3. *Aristotle*. Politics / trans. S.M. Rogovin. Moscow: RIPOL Classic, 2010. 592 p.
4. *Virgil*. The Bucolics. The Georgics. The Aeneid / trans. S. Osherov; with an introductory essay and notes by S. Averintsev. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1979. 511 p.
5. *Hesiod*. Works and Days / trans. V. Veresaev. Moscow: Nauka, 1990. 94 p.
6. *Lucretius, Titus*. "On the Nature of Things" / trans. I. Rachinsky; foreword by V. Vandek and V. Timosko; notes by A. Ranovich and V. Serezhnikov. Moscow: State Anti-Religious Publishing House, 1933. 352 p.
7. *Marcus Aurelius Antoninus*. Meditations / trans. A.K. Gavrilov. Moscow: Nauka, 1985. 240 p.
8. *Plato*. Ion. Phaedrus. Collected Works in 4 vols. Vol. 2 / trans. A.F. Losev. Moscow: Mysl, 1990. 639 p.
9. *Seneca, L.A.* Moral Letters to Lucilius; Tragedies / trans. S.A. Osherov. Moscow: Nauka, 1977. 620 p.
10. *Epictetus*. Discourses / trans. and annot. by A.I. Ruban. Moscow: Nauka, 1997. 311 p.